

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА.¹

[134]

Изъ небольшого числа имѣющихся въ Петербургѣ литературныхъ и художественныхъ кружковъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовались извѣстностью: „кружокъ Случевского”, „художественные понедѣльники” (бывшіе „Мюссаровскіе”, въ помещеніи желѣзнодорожнаго клуба), „пятницы акварелистовъ”, „кружокъ Полонскаго” (въ залѣ С.-Петербургской музыкальной школы) и нѣкоторые другіе. Въ настоящее время одни изъ этихъ кружковъ совсѣмъ застыли въ своей косной правотѣ, столь ненавистной искусству во всѣхъ его проявленіяхъ, другіе же съ каждымъ годомъ постепенно хирѣютъ или распадаются совершенно, за отсутствіемъ хоть какой-нибудь идейной связи между членами, за отсутствіемъ начала, объединяющаго ихъ духовные интересы.

Но условія вѣчно спѣшащей жизни и требованія спокойно шествующаго впередъ искусства создаютъ новые группы и кружки. Въ началѣ этого года мнѣ приходилось уже говорить о назрѣвшей у насъ необходимости въ художественно-философскомъ клубѣ, который бы объединялъ всѣхъ сочувствующихъ новымъ культурнымъ вѣяніямъ литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и артистовъ. Въ настоящее время нѣкоторые симптомы частичнаго осуществленія такого клуба или кружка уже имѣются у насъ налицо. Помимо литературныхъ собраній въ частныхъ домахъ, какъ, на примѣръ, „воскресенья” у Федора Сологуба и „среды” у Вячеслава Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибалъ, съ этой

[135]

осени начались,—и кажется прививаются,— „понедѣльники”, уже на

---

¹ Конст. Сюннерберг, «Художественная жизнь Петербурга», *Золотое руно*, 1906, № 11, 134-6.

нейтральной почвѣ, въ помѣщеніи книгоиздательства „Шиповникъ”. Тутъ можно встрѣтить очень разнообразное общество художниковъ и литераторовъ изъ лагерей зачастую діаметрально противоположныхъ. Другой кружокъ, болѣе сплоченный, собирается при театрѣ Коммиссаржевской. Тѣсное общеніе и совмѣстное сотрудничество выдающихся культурныхъ силъ имѣетъ цѣлью двинуть впередъ дѣло возрожденія театра. Кромѣ цѣлаго ряда талантливыхъ художниковъ (Бакстъ, Сомовъ и др.), для настоящаго дѣла особенно цѣнны такія теоретическія силы, какъ апологетъ древне-греческаго театра Вяч. Ивановъ, и такія чуткія дарованія, какъ Коммиссаржевская.

* * *

Въ залахъ академіи художествъ предположены выставки: въ концѣ декабря и въ январѣ—„Союза русскихъ художниковъ”, и въ февралѣ—выставка картинъ Нестерова. „Новое Общество художниковъ” помѣстится по примѣру прошлыхъ лѣтъ въ залахъ академіи наукъ, также въ февралѣ. Помѣщеніе Общества поощренія художествъ будетъ занято „С.-Петербургскимъ обществомъ художниковъ”, передвижной выставкой и акварелистами. Пока открылись три выставки: „академическая”, профессора Лагоріо (посмертная)—въ залѣ общества поощренія художествъ и „Первая осенняя выставка”—въ Пассажѣ.

Выставка въ академіи художествъ, какъ и всегда, представляетъ неутѣшительное зрѣлище. Конкуренты очень слабы. Выставили громадныя полотна, но картины отъ этого не лучше. Труновъ добросовѣстно выписалъ мужиковъ и бабъ, которые притворяются, будто бы собираютъ картофель, но дѣло-то въ томъ, что притворяются мужики и бабы плохо: сразу видно, что они просто позируютъ. „Безработные” Струнникова очень... милы. Къ сожалѣнію, именно такое выраженіе приходитъ въ голову при видѣ этого красиваго

отчаянія, этих оперных жестов и „хорошенькой” дѣвочки, которая заставляет вспоминать прославленные среди любителей харламовскія „головки” на грязно-черномъ фонѣ. Другая большая картина того же художника „Открытие алтаря старообрядческой церкви” написана очень холодно и черно и показывает неумѣніе автора использовать интересный мотивъ. Гаврильцевъ далъ картину („Изъ жизни”), которая по манерѣ должна нравиться любителямъ художественныхъ журналовъ типа Jugend. Лучше и смѣлѣе другихъ вещи Беклемишевой (особенно два, три портрета), а также картина Праховой-Крюгеръ „На оленяхъ”. Кроме того, можно отмѣтить еще, пожалуй, нѣкоторые офорты Бѣляшина, получившаго за нихъ право заграничной поѣздки.

Всѣхъ картинъ и этюдовъ на выставкѣ, вмѣстѣ съ классными работами учениковъ, болѣе 1200 номеровъ. Здѣсь можно найти съ десятокъ вещей действительно талантливыхъ и свободныхъ. Изъ отдѣленія, работавшаго подъ руководствомъ Кардовскаго (мастерская профессора-руководителя Рѣпина), очень интересны нѣкоторые изъ „Осеннихъ этюдовъ” Савинова, особенно же хороши „Цвѣты” по изысканной скромности тоновъ и какой то серьезной законченности этого небольшого этюда. Этюды и особенно рисунки Анисфельда показались мнѣ, несовершенными. Я ожидалъ отъ него большаго. Къ этому даровитому художнику слѣдуетъ относиться съ большою требовательностью. Похвалы, вызываемыя картинами Анисфельда на нынѣшней русской выставкѣ въ Парижѣ, могутъ сильно повредить ему. Работы по мастерскимъ В. Маковскаго и Рубо всѣ одинаково слабы. Безцвѣтны въ этомъ году также и работы учениковъ Рѣпина. Все старые шаблоны, ничего самостоятельнаго, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ этюдовъ Дмитріева. Изъ мастерской Киселева выдѣляется С. Колесниковъ. Его эскизъ „Весна” вполне хорошъ, хороши также и смѣлые по схематичной манерѣ этюды; съ красивой простотой

сдѣланъ одинъ изъ нихъ (пятна луннаго свѣта и тѣнь отъ деревьевъ на бѣлой стѣнѣ). Изъ классныхъ работъ можно указать на эскизъ Рубцова „Въ гаремѣ”.

По архитектурному отдѣленію выставлены работы за два года. Изъ конкурентовъ хороши Б. Боткинъ (красивый проектъ собора) и еще, пожалуй, Перетятковичъ (грандіозное зданіе для народныхъ собраній). Послѣднему дана заграничная поѣздка. Ученики профессора Померанцева выставили очень заурядные проекты, изъ числа же учениковъ профессора Л. Бенуа интересень своими работами И. Фоминъ.

Объ открывшейся въ концѣ октября посмертной выставкѣ картинъ Лагоріо можно лишь сказать, что она состоитъ изъ 961 номера. Больше ничего не хочется говорить о ней.

Кто знаетъ, что такое творенія Харламова, Кондратенки; Бодаревскаго, тому фізіономія „Первой осенней выставки” станетъ совсѣмъ понятна; и о ней также не стоило бы говорить. Но рядомъ съ ремесленными трафаретами, лакированными подносами и вяло-порнографическими картинками почтенныхъ маэстро, среди пошлятины всѣхъ сортовъ, холодно намалеванной въ надеждѣ на сбытъ, все же выдѣляется нѣсколько вещей, указывающихъ на талантливость

[136]

и искренность. Взять хотя бы, напримѣръ, Балльера, Калмакова, В. Дмитріева. У перваго есть совсѣмъ приличные этюды, — нѣкоторые изъ „Петербургскихъ ноктюрновъ”, — двое другихъ интересны своими самостоятельными поисками. Это ничего, что, глядя на вялый по манерѣ письма „Вечерній пейзажъ” Калмакова, съ облаками-гигантами, вспоминаешь Клингера и кое-кого изъ старыхъ декадентовъ: подъ покровомъ Клингера все же чувствуется дарованіе автора. Это не важно, что у Дмитріева рисунокъ дѣтскій и композиція неумѣлая: за иной неумѣло проведенной чертой кроются большая искренность и стремленіе найти самого себя. Однако извѣстная доля самостоятельности и

искренности въ исканіи колорита и рисунка не искупають еще здѣсь
существеннаго и общаго у обоихъ этихъ художниковъ недостатка. Я говорю объ
ихъ декадентничаніи и стремленіи рассказывать своими картинами,— чуть ли
не поучать. Выставленныя этими художниками символическія картины и
рисунки обращаются больше къ понятію, чѣмъ къ представленію: потому
существенное и важное поглощается второстепеннымъ и подчасъ совсѣмъ
ненужнымъ.—Вѣдь вся сказочность сказки заключается не въ томъ, что именно
случилось (въ сказкѣ можетъ случиться все, что угодно), но въ какой-то
непонятной, притягивающей магіи сплетающихся образовъ, которые рисуютъ
узоръ случившагося. Когда художникъ намѣренно переноситъ центръ тяжести
на событіе, тогда стирается рисунокъ этого магическаго узора, — и нѣтъ сказки.
А сказку-то собственно и хотѣлось ему рассказать.

К о н с т. С ю н н е р б е р г ъ.

18 ноября 1906 г. С.-Петербургъ.